

УДК 930(470):271.2-9-726.1*Тихон

Патриарх Тихон (Беллавин) и его деятельность в оценках современной российской историографии

С.Ф. ВЕРЕМЕЕВ

Статья посвящена анализу того, как личность патриарха Тихона и его деятельность оценивается в трудах российских историков 90-х гг. XX – начала XXI в. Выделены наиболее дискуссионные вопросы в историографии, основные точки зрения по каждому из них. Названы причины существования научных контroversий. Автор статьи делает вывод, что деятельность патриарха Тихон изучена недостаточно.

Ключевые слова: патриарх Тихон, Российская православная церковь, церковно-государственные отношения, советская власть, российская историография.

The article is devoted to the analysis of how the personality of Patriarch Tikhon and his activities are evaluated in the works of Russian historians of the 90s. XX – beginning of the XXI century. The most controversial issues in historiography, the main points of view for each of them are highlighted. The reasons for the existence of scientific contraversions are named. The author of the article concludes that the activities of Patriarch Tikhon have not been sufficiently studied.

Keywords: Patriarch Tikhon, Russian Orthodox Church, church-state relations, Soviet power, Russian historiography.

Патриарх Тихон (Василий Беллавин; 1865–1925) возглавлял Российскую православную церковь в один из самых драматичных периодов её истории. Во время его патриаршества власть захватили большевики, церковь была отделена от государства и лишена многих своих прав, проводились кампании по вскрытию мощей святых и изъятию церковных ценностей, репрессиям подвергались представители духовенства и верующие, российское православие сотрясал обновленческий раскол, инспирированный ГПУ. В этой связи изучение деятельности тогдашнего главы РПЦ, его отношения к советской власти представляет несомненный научный интерес. В российской историографии на протяжении 90-х гг. XX – начала XXI в. появилось большое количество работ, посвящённых церковно-государственным отношениям в первое десятилетие советской власти. Были написаны и биографии патриарха Тихона [1], [2]. Разность, а нередко и противоречивость оценок и интерпретаций действий патриарха, встречающихся в историографии, требует их отдельного рассмотрения. В данной статье мы сосредоточили внимание, главным образом, на тех аспектах деятельности Тихона во главе церкви, которые являются наиболее дискуссионными.

Как известно, 19 января 1918 г. патриарх Тихон обратился с посланием к духовенству и православным верующим, в котором предал анафеме (проклятию) «безбожников», «воздвигших гонение на истину Христову». В современной российской историографии существует несколько интерпретаций содержания и характера данного послания. Одна группа исследователей считает, что оно было направлено против большевиков [3, с. 28]. Ещё в 1991 г. М.И. Одинцов писал о том, что «через библейские аллегории и эзопов язык проглядывает откровенный призыв к непризнанию и неподчинению советской власти, отвержению всех её актов, касающихся церкви. Тихон анафематствовал (проклинал) и власть, и тех, кто проводил и исполнял её постановления или хотя бы сочувствовал ей. И на Соборе и вне его послание было воспринято как антибольшевистское, антиправительственное» [4, с. 9]. М.И. Одинцов связывает с обнародованием данного послания принятие правительством В.И. Ленина декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [5, с. 51]. Разделяют точку зрения об антибольшевистском характере послания и некоторые церковные исследователи, сожалея при этом, что патриарх Тихон не стал вторым Гермогеном и не возглавил борьбу против советской власти [6, с. 142–143].

Другая группа историков оценивает послание от 19 января 1918 г. более осторожно. В качестве примера приведём точку зрения М.В. Шкаровского, который отмечает, что большевики в патриаршем послании не упоминались, однако «оно оказалось воспринято как выражение контрреволюционного настроения» [7, с. 73]. Д.В. Сафонов пишет о косвенном осуждении советской власти в вышеназванном послании патриарха [8, с. 16].

И, наконец, третья группа исследователей отрицает, что патриаршее послание от 19 января 1918 г. было «анафемой советской власти». По мнению протоиерея В. Цыпина, послание предавало анафеме не большевиков, а «участников расправ над невинными людьми», выражало «архипастырскую озабоченность положением Церкви» и не содержало оценок нового (советского – С.В.) государственного строя» [9, с. 361–362].

Современная российская историография делает акцент на том, что патриарх Тихон «последовательно проводил принцип аполитичности РПЦ» [10, с. 47]. Ещё в начале 1990-х гг. В.А. Алексеев в своей статье опроверг тезис советских историков, согласно которому глава РПЦ являлся контрреволюционером [11, с. 3–4], [12]. В.В. Лобанов отмечает, что «факты не дают никаких оснований ставить под сомнение последовательное стремление Патриарха Тихона отмежеваться от какой бы то ни было политической деятельности» [2, с. 87]. В качестве одного из доказательств приводится следующий факт: Тихон отказался дать благословение (явное или тайное) Белому движению в период Гражданской войны в России.

Вместе с тем, признаётся отрицательное отношение к советской власти со стороны патриарха Тихона. По мнению В.В. Лобанова, патриарх «вначале был настроен резко критически» к большевикам, «не мог симпатизировать атеистической власти», но при этом не допускал призывов к насильственному сопротивлению, рассматривая всякую власть как «попущенную Богом» и никогда не вёл «никакой активной политической деятельности, направленной на изменение государственного строя» [13, с. 16, 21]. Линия патриарха заключалась в следующем: «с одной стороны – невмешательство в политическую борьбу, с другой – отстаивание и защита интересов церкви». В.В. Лобанов считает, что «позиция и деятельность патриарха в целом последовательно вытекают из церковного учения об отношениях церкви и государства» [13, с. 17]. Д.В. Сафонов пишет, что с 1917 до начала 1922 г. позиция Тихона изменилась от косвенного осуждения (послание от 19 января 1918 г.) до лояльного нейтралитета в 1919 г. (отказ благословить Белое движение) [14, с. 16–17]. Но власти не сумели добиться в тот период (1917–22 гг.) активной лояльности со стороны главы РПЦ [14, с. 24].

18 мая 1922 г. патриарх Тихон, находившийся в тот момент под домашним арестом, подписал резолюцию о временной передаче своей канцелярии («синодских дел») лидерам обновленцев, которые, в свою очередь, должны были передать её ярославскому митрополиту Агафангелу (Преображенскому), когда тот приедет в Москву и временно возглавит РПЦ. Однако Агафангел в Москву не был допущен властями. Обновленцы же использовали данное решение патриарха для легитимации своей попытки захвата высшего церковного управления. Почему патриарх пошёл на такой, казалось бы, нелогичный шаг, как передача канцелярии обновленцам? Российские историки предложили различные объяснения причин его поступка. По одной из версий, обновленцы получили патриаршую канцелярию «явным обманом» [6, с. 181]. Однако большинство исследователей считает, что глава РПЦ понимал, кому передаёт «синодские дела». В частности, такой точки зрения придерживаются М.И. Вострышев, Д.В. Сафонов, В. Цыпин [1], [15], [16, с. 183]. Так, М.И. Вострышев полагает, что патриарх осознавал, что 18 мая 1922 г. на встрече с ним были представители «Живой церкви», открыто претендующие на власть в церкви [1, с. 348]. Н.В. Кривова считает, что такое решение предстоятель РПЦ принял в результате давления со стороны обновленцев и ГПУ [17, с. 141]. По мнению Д.В. Сафоновой, Тихон действовал вынужденно [15].

В историографии присутствуют и иные точки зрения по данному вопросу. Согласно одной из них, лидеры обновленцев просто «уговорили» патриарха Тихона передать им канцелярию, ссылаясь на церковный кризис. По другой версии, патриарх согласился с их предложением, «так как канцелярия была фактически уже в их руках» [18, с. 43], [16, с. 183]. Довольно убедительной нам представляется версия, предложенная С.Н. Ивановым. Передачу

канцелярии обновленцам он объясняет стремлением патриарха Тихона восстановить функционирование системы церковного управления и снять арест с канцелярии. Последнее позволило бы облегчить начало работы назначенному им заместителю – митрополиту Агафангелу (Преображенскому) [19, с. 34].

В российской историографии описан процесс подготовки властями судебного процесса над патриархом Тихоном. Отмечается, что, по сути, планировалась внесудебная расправа над ним, целиком организованная ГПУ и управляемая Политбюро ЦК РКП(б). Суд над патриархом должен был «продемонстрировать всему миру антисоветскую сущность главы РПЦ как центральной фигуры всего «контрреволюционного заговора», и тем самым обосновать правильность политики гонений на церковь в Советской России» [20, с. 28, 38]. С.Г. Петров на основании изучения архивных документов пришёл к выводу об особой роли Л.Д. Троцкого в аресте и привлечении к судебной ответственности патриарха в 1922 г. [21, с. 391].

На сегодняшний день известно, что 12 апреля 1923 г. Политбюро фактически санкционировало смертный приговор патриарху Тихону, который должен был официально вынести Трибунал [12, с. 33]. Но вскоре главу РПЦ неожиданно отпустили на свободу. Анализ научной литературы позволяет выделить две основные причины, которыми исследователи объясняют неожиданное освобождение патриарха и отмену планируемого суда над ним. Одной из причин называется давление на советских руководителей со стороны международного сообщества. Так, М.В. Шкаровский пишет, что «рассекреченные в последние годы документы свидетельствуют, что основную роль... сыграла широкая кампания в странах Западной Европы с требованием освободить патриарха. В тот период советское правительство, желая выйти из дипломатической изоляции, было вынуждено считаться с подобными протестами» [7, с. 101]. Это мнение разделяет и ряд других историков, в частности, С.Г. Петров [21, с. 391].

Другая основная причина отмены суда над патриархом, которую называет российская историография – внутривластная ситуация в стране: опасения властей, что казнь патриарха вызовет протесты населения, а также борьба внутри Политбюро [8, с. 20] [1, с. 270]. Так, М.И. Одинцов считает, что из-за резкого ухудшения здоровья В.И. Ленина Политбюро решило отложить суд, опасаясь антисоветских выступлений в стране [5, с. 117]. В.В. Лобанов объясняет отмену суда над патриархом начавшейся в руководстве страны борьбой за власть на фоне болезни В.И. Ленина. В такой ситуации было не до патриарха [2, с. 146]. С В.В. Лобановым частично соглашается И.А. Курляндский, который полагает, что это была лишь как «одна из главных причин». Решающей же причиной освобождения патриарха, по мнению историка, была «сама логика развития нэпа, диктовавшая вслед за некоторой либерализацией экономической жизни – строго ограниченную цензурой и репрессиями, кратковременную либерализацию в идеологической и духовной сферах». Такая политика, по мысли И.А. Курляндского, «не позволяла слишком усиливаться обновленцам», а «заинтересованность власти в дальнейшем углублении церковного раскола, думается, была важной причиной, толкнувшей её на освобождение патриарха» [22, с. 198–199]. И.А. Курляндский также анализировал роль И. Сталина в «деле» патриарха Тихона. Он указывает на отсутствие документальных подтверждений в пользу того, что И. Сталин был расположен к так называемому «традиционному крылу РПЦ» и лично к патриарху Тихону [22, с. 196].

Протоиерей В. Воробьев, Н.А. Кривова, С.Н. Романова и А.В. Щелкачев отмечают, что власти избрали другой вариант действий в отношении патриарха – заставили его написать так называемое «Покаянное заявление» 3(16) июня 1923 г. [21, с. 34, 37]. В своём заявлении в Верховный Суд РСФСР глава РПЦ признавал правильность привлечения его к ответственности за антисоветскую деятельность и заявлял, что «я отныне советской власти не враг» [23].

Е.Г. Гимпельсон полагает, что патриарх написал покаянное заявление, не выдержав давления со стороны следствия [24, с. 87]. Но большинство историков называет другие мотивы, которыми, на их взгляд, руководствовался Тихон. Так, О.В. Васильева считает, что патриарх выступил с данным обращением, осознавая опасность, «нависшую над церковью, и видя печальные результаты гонений на неё и внутреннего раздора». По мнению О.В. Васильевой, «этот компромисс позволил патриарху сплотить вокруг себя верных православию пастырей и

верующих, что сделало затем неизбежным поражение обновленчества и явилось началом нового этапа во взаимоотношениях советского государства и церкви» [10, с. 47]. Как отмечает В.М. Лавров, «раскаяться» и «решительно отмежеваться» от контрреволюции патриарху Тихону понадобилось, чтобы выйти на свободу и сломить обновленческое духовенство, приветствовавшее советские преобразования, и под руководством ГПУ подчинить себе церковь [25, с. 551]. Одобрительно оценивает факт обращения патриарха в Верховный суд Д.В. Сафонов. Как пишет историк, «заявление» позволило «сохранить Православную церковь от развала, нанести решительный удар по обновленческому расколу, спасти от смерти епископов, которые, вслед за патриархом были выпущены из тюрьмы» [14, с. 21]. В. Цыпин отметил попытку Тихона «на предстоящие десятилетия устроить с советским режимом сносные условия сосуществования» [9, с. 398]. М.И. Одинцов придерживается другой точки зрения по данному вопросу. Он считает, что патриарх «изменил политический курс Церкви, чтобы не остаться без своей многомиллионной паствы» [4, с. 22]. Однако этот тезис, появившийся ещё в советской историографии, абсолютное большинство современных исследователей не разделяет.

Российские историки делают акцент на том, что «Покаянное заявление», а также и последующие послания патриарха не отражали его реальных взглядов. Так, Д.В. Сафонов приводит в своей работе свидетельство митрополита Петра (Полянского), который в частных беседах говорил о вынужденном характере патриарших посланий [26].

Курс, проводимый патриархом Тихоном по отношению к властям, в российской историографии оценивается высоко. По мнению Н.В. Кривовой, компромиссная тактика патриарха позволила объединить ему духовенство и верующих и преодолеть обновленческий раскол [17, с. 191]. В.В. Лобанов считает, что компромиссные решения патриарха нельзя считать сервилизмом. Это было стремление защитить церковь от внутренних и внешних опасностей [2, с. 22]. Ю.Н. Макаров обращает внимание на то, что большевикам так и не удалось добиться от патриарха Тихона согласия на вмешательство спецслужб в кадровую политику церкви [27, с. 10, 35].

В период патриаршества Тихона была предпринята попытка ввести в Российской православной церкви григорианский календарь (так называемый «новый стиль»). По мнению Д.В. Сафонова, патриарх был противником этой реформы и «сделал все для того, чтобы, несмотря на колоссальное давление властей, новый стиль не был введен» [28]. Протоиерей В. Воробьев, Н.А. Кривова, С.Н. Романова и А.В. Щелкачев в своей совместной работе отмечают, что власти таким способом стремились «вбить клин» между патриархом и его паствой, но Тихон «твердо и мужественно отменил навязанную властями, но не принятую православным народом, реформу календаря» [20, с. 48–49]. А.А. Кострюков исследовал политику Московской патриархии по отношению к РПЦЗ. Историк пришёл к выводу, что «отношение патриарха Тихона к РПЦЗ не было отрицательным». В свою очередь, осуждение политической деятельности зарубежного епископата было вызвано уступками со стороны патриарха государственной власти [29, с. 17, 19].

Среди российских историков наблюдается консенсус в оценках личности патриарха. Эти оценки сугубо положительные. Отмечается его скромность, такие присущие ему качества, как бодрость духа, оптимизм, чувство юмора, доступность для духовенства и верующих [5, с. 127], [6, с. 134].

Незадолго до кончины патриарха Тихона был убит его келейник Яков Полозов. Некоторая загадочность этого убийства даёт основание предполагать, что целью убийц мог быть сам патриарх. Если одни исследователи лишь допускают такую возможность [20, с. 39], то Д.В. Сафонов более категоричен. Он прямо пишет о том, что убийство Я. Полозова было спланировано ГПУ, в частности начальником 6-го отделения Е.А. Тучковым. С точки зрения Д.В. Сафонова, «убийство любимого келейника, можно сказать, самого близкого к Патриарху человека, было чрезвычайно выгодно ГПУ [26].

7 апреля 1925 г. патриарх Тихон (Беллавин) умер в больнице Бакуниных на Остоженке (Москва). Официальной причиной смерти был назван «очередной приступ грудной жабы». Протоиерей В. Воробьев, Н.А. Кривова, С.Н. Романова, А.В. Щелкачев ставят под сомнение

официальную версию, задавая, по сути, риторический вопрос: «не выдержало сердце или последний укол был тоже согласован с ГПУ, которое решило наконец «разделаться» со святым?» По их мнению, с уверенностью назвать причину смерти патриарха невозможно [20, с. 41]. Косвенным образом в пользу версии о том, что смерть была насильственной, указывают приводимые в монографии В.В. Лобанова свидетельства ряда лиц (воспоминания сына Я. Полозова о двойной дозе лекарства, якобы данного патриарху и др.) [2, с. 186–191]. Но по мнению самого В.В. Лобанова, кончина патриарха «скорее всего, носила естественный характер, если считать «естественными» те нечеловеческие условия, в которых совершалось первосвятительское служение одиннадцатого российского Патриарха» [2, с. 192]. Д.В. Сафонов, напротив, считает смерть патриарха насильственной. Он пишет, что положение «тихоновской» церкви к середине 1920-х гг. значительно укрепилось, авторитет её главы был весьма высок, поэтому единственной надеждой ГПУ оставалось устранение патриарха [26].

Одной из самых дискуссионных является проблема подлинности так называемого «Завещательного послания» патриарха Тихона от 7 апреля 1925 г., опубликованного в советской прессе после его кончины. Часть исследователей не сомневается в подлинности данного документа [9, с. 406], [17, с. 210]. Так, по мнению протоиерея В. Цыпина, нет оснований считать, что патриарх не подписывал указанный текст. Одновременно В. Цыпин допускает, что «в «Завещании» могут быть вставки Е.А. Тучкова, которые «с болью в сердце приняты были патриархом». С точки зрения исследователя, патриарх этот документ подписал, потому что такой шаг представлялся ему тогда необходимым для улучшения условий существования церкви в СССР [9, с. 406].

Другие исследователи высказывают сомнения в подлинности «Завещательного послания» патриарха [6, с. 200] или же считают, что ответить на вопрос, подписывал ли в действительности патриарх текст завещания или нет, невозможно [20, с. 40]. По мнению В.В. Лобанова, этот вопрос остаётся открытым. Тезис, что патриарх Тихон не подписывал завещание, на его взгляд, не подкреплён достаточной документальной базой. В.В. Лобанов отмечает, что «общее содержание «Завещательного послания» даже при наличии возможных корректив со стороны ГПУ не добавляет ничего принципиально нового к уже ранее сделанным Предстоятелем РПЦ уступкам в политической области, при сохранении твёрдого курса на отсутствие компромиссов в области веры» [2, с. 182].

Специальное исследование вопроса о подлинности «Завещательного послания» патриарха Тихона провёл Д.В. Сафонов. Он пришёл к выводу, что данный документ патриарх не подписывал. Историк пишет, что Тихон незадолго до своей смерти отверг очередной вариант послания, предложенный Е.А. Тучковым, но затем этот вариант с небольшими изменениями всё же был опубликован [14, с. 191–192]. Как отмечает Д.В. Сафонов, о том, что патриарх не подписывал обнародованный текст, знал митрополит Петр (Полянский) [8, с. 25].

В российской историографии была поднята проблема преемственности церковной политики патриарха Тихона и митрополита Сергия Страгородского. В.В. Лобанов видит «несомненную связь» в их подходах к вопросу существования церкви в атеистическом государстве, коим являлся СССР [12, с. 25]. Однако такая точка зрения встретила возражение в научных кругах. Так, А.Е. Колесник и Н.А. Кривошеева в своей рецензии на монографию В.В. Лобанова оспорили его тезис, отметив следующее: «компромиссы Патриарха Тихона и компромиссы в отношениях с безбожным государством митрополита Сергия имеют различную природу» [30].

Таким образом, в современной российской историографии предлагаются различные интерпретации послания патриарха Тихона от 19 января 1918 г., нет единого мнения относительно мотивов, по которым он в мае 1922 г. временно передал свою канцелярию обновленцам, дискуссии вызывает проблема преемственности церковной политики патриарха Тихона и митрополита Сергия Страгородского. Исследователи ставят под сомнение официальную причину смерти патриарха и подлинность его «Предсмертного завещания», опубликованного позднее в советской прессе. Это свидетельствует о том, что, несмотря на очевидные достижения российских историков и археографов, деятельность патриарха Тихона, в особенности

его взаимоотношения с властями, недостаточно изучены. Различия во взглядах обусловлены ещё и тем, что известные в настоящее время исторические источники зачастую не дают прямых и однозначных ответов на поставленные вопросы, допускают альтернативность истолкования. Влияние на сложившуюся традицию историописания оказывает также фактор канонизации патриарха Тихона, когда все его поступки и действия оцениваются с апологетических позиций. Последнее особенно характерно для церковных авторов.

Литература

1. Вострышев, М. Патриарх Тихон / М. Вострышев. – 4-е изд. – М. : Молодая гвардия, 2009. – 383 с.
2. Лобанов, В.В. Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.) / В.В. Лобанов. – М. : Русская Панорама, 2008. – 352 с.
3. Фирсов, С.Л. «Власть и огонь». Церковь и советское государство: 1918 – нач.1940-х гг.: очерки истории / С.Л. Фирсов. – М. : ПСТГУ, 2014. – 474 с.
4. Одинцов, М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.) / М.И. Одинцов. – М. : Издательство «Знание», 1991. – 64 с.
5. Одинцов, М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. / М.И. Одинцов. – М. : Полит. энциклопедия, 2014. – 424 с.
6. История Русской Православной церкви. От восстановления патриаршества до наших дней / М.Б. Данилушкин [и др.]. – СПб. : Воскресение, 1997. – Т. 1. 1917–1970. – 1020 с.
7. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М. : Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
8. Сафонов, Д.В. Патриарх Тихон и советская власть: к проблеме государственно-церковных отношений в 1922–1925 гг. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 09.00.13 / Д.В. Сафонов ; РАГС при Президенте РФ. – М., 2004. – 32 с.
9. Цыпин, В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды / протоиерей В. Цыпин. – 4-е изд. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 816 с.
10. Васильева, О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 гг. / О.Ю. Васильева // Вопросы истории. – 1993. – № 8. – С. 40–54.
11. Корзун, М.С. Русская православная церковь, 1917–1945 гг. : изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения / М.С. Корзун. – Мн., 1987. – 111 с.
12. Алексеев, В.А. Был ли Патриарх Тихон вождём «церковной контрреволюции»? / В.А. Алексеев // Диалог. – 1990. – № 10. – С. 93–104.
13. Лобанов, В.В. Патриарх Тихон и советская власть: проблема компромисса (1919–1925) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В.В. Лобанов ; ИРИ РАН. – М., 2005. – 32 с.
14. Сафонов, Д.В. Патриарх Тихон и советская власть (К проблеме государственно-церковных отношений в 1922–1925 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 09.00.13 / Д.В. Сафонов ; РАГС при Президенте РФ. – М., 2004. – 277 с.
15. Сафонов, Д.В. Святитель Иларион (Троицкий) и обновленческий раскол в Русской Православной Церкви. Статья 1 [Электронный ресурс] / Д.В. Сафонов. – Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/sm/33329.htm>. – Дата доступа : 23.11.2019.
16. Цыпин, В. Русская Церковь (1917–1925) / прот. В. Цыпин. – М. : Изд-е Сретенского монастыря, 1996. – 335 с.
17. Кривова, Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства / Н.А. Кривова. – М. : Аиро-XX, 1997. – 250 с.
18. Одинцов, М.И. Русские патриархи XX века: судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов / М.И. Одинцов. – М. : Изд-во РАГС, 1999. – Ч. I. Дело Патриарха Тихона ; Крестный путь патриарха Сергия. – 334 с.
19. Иванов, С.Н. О причинах передачи св. Патриархом Тихоном канцелярских дел группе священников в мае 1922 г. / С.Н. Иванов // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. – 2011. – Вып. 3 (40). – С. 17–35
20. Воробьев, В. Предисловие / прот. В. Воробьев, Н.А. Кривова, С.Н. Романова, А.В. Щелкачев // Следственное дело Патриарха Тихона : сб. документов по материалам ЦА ФСБ РФ. – М. : Памятники исторической мысли, 2000. – С. 9–60.
21. Петров, С.Г. Русская православная церковь времени патриарха Тихона (Источниковедческое исследование) / С.Г. Петров ; отв. ред. Н.Н. Покровский. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2013. – 407 с.

22. Курляндский, И.А. Сталин, власть, религия / И.А. Курляндский. – М. : Кучково поле, 2011. – 720 с.
23. Заявление патриарха Тихона в Верховный Суд РСФСР. 16 июня 1923 г. // Архивы Кремля : в 2-х кн. – М.–Новосибирск : РОССПЭН, 1997. – Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. – С. 285–286.
24. Гимпельсон, Е.Г. НЭП и советская политическая система, 20-е годы / Е.Г. Гимпельсон. – М. : ИРИ РАН, 2000. – 439 с.
25. Лавров, В.М. Октябрьская революция в восприятии патриарха Тихона / В.М. Лавров // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования : сб. науч. ст. – СПб., 2008. – С. 543–552.
26. Сафонов, Д.В. Святитель Тихон и Русская православная церковь за границей в 1922–1925 гг. Неизвестные страницы истории [Электронный ресурс] / Д.В. Сафонов. – Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/5494.html#13>. – Дата доступа : 23.11.2019.
27. Макаров, Ю.Н. Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР (окт. 1917-го – конец 1930-х гг.) : автореф. дисс. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Ю.Н. Макаров ; СПбГУ. – СПб., 2007. – 49 с.
28. Сафонов, Д.В. Был ли патриарх Тихон сторонником введения нового стиля [Электронный ресурс] / Д.В. Сафонов. – Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/57504.html>. – Дата доступа : 23.11.2019.
29. Кострюков, А.А. Русская Зарубежная Церковь: создание, взаимоотношения с московской церковной властью и внутренние разделения в 1920–1938 гг. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 09.00.13 / А.А. Кострюков ; ПСТГУ. – М., 2012. – 32 с.
30. Колесник, А.Е. Лобанов В.В. Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.). М. : НПД «Русская панорама», 2008. 352 с. (Рецензия) / А.Е. Колесник, Н.А. Кривошеева // Вестник ПСТГУ. Сер. 2. – 2010. – С. 140–142.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 11.02.2020